Эволюция антироссийских санкций в 2014–2026 гг.: этапы, логика и инструменты давления

Еременко Олег Сергеевич
аспирант, кафедра сравнительной политологии ФГСН, РУДН им. Патриса Лумумбы, 1042235109@rudn.ru

В статье рассматривается эволюция антироссийских санкций в период с 2014 по 2026 год. На основе официальных нормативных актов США, Европейского союза и Великобритании, а также материалов международных организаций и научных публикаций выделены три последовательных этапа развития санкционного режима: 2014–2015 гг. — формирование первичной нормативной базы и секторального давления; 2016–2021 гг. — институционализация ограничений и расширение их предметных оснований; 2022–2026 гг. — масштабная эскалация и переход к комплексному инструментарию финансового, торгового и технологического давления. Показано, что логика ужесточения санкций определялась реакцией западных коалиций на политические события и сопровождалась последовательным расширением круга объектов, секторов и обходных каналов, попадающих под ограничения. Анализируются юридические основания мер, изменение целей санкционной политики, а также инструментарий: персональные санкции, секторальные ограничения, экспортный контроль над технологиями двойного назначения, заморозка активов, отключение от SWIFT, ценовой потолок на нефть и режим вторичных санкций. Сделан вывод о том, что санкционный режим прошёл путь от точечных мер к комплексному режиму давления, охватывающему практически все звенья внешнеэкономической деятельности Российской Федерации.

Ключевые слова: антироссийские санкции, экономические санкции, секторальные ограничения, CAATCA, OFAC, Регламент ЕС 833/2014, ценовой потолок, заморозка резервов, теневой флот, вторичные санкции.

Введение

Цель исследования — выявить и охарактеризовать ключевые этапы эволюции антироссийских санкций в 2014–2026 гг., раскрыть логику и инструментарий их применения западными государствами.

Задачи исследования: 1) систематизировать нормативные основания санкционных режимов США, ЕС и Великобритании; 2) определить хронологические границы и содержание этапов эволюции санкционной политики; 3) проанализировать инструменты давления и их трансформацию; 4) обобщить наблюдаемые последствия для российской экономики на основе данных официальных источников.

Объект исследования — внешняя санкционная политика США, Европейского союза, Великобритании и связанных с ними государств в отношении Российской Федерации. **Предмет исследования** — эволюция этой политики, проявляющаяся в изменении нормативной базы, целей, объектов воздействия и применяемых инструментов давления.

Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение), а также специально-научные приёмы: историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой анализ нормативных актов; контент-анализ официальных документов институтов ЕС и Министерства финансов США; статистический анализ открытых макроэкономических данных Банка России, Росстата и Международного валютного фонда.

Антироссийские санкции 2014–2026 гг. представляют собой беспрецедентный по масштабу режим: за указанный период принято несколько десятков пакетов ограничений со стороны ЕС, ряд федеральных законов США и подзаконных актов OFAC, многочисленные регламенты Великобритании в рамках Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 [Council of the EU, 2026; U.S. Department of the Treasury, 2024]. Их совокупность всё чаще описывается в литературе как «санкционная война», где экономические рычаги становятся продолжением внешнеполитического и военно-политического давления.

Актуальность темы определяется тем, что санкционный режим в отношении Российской Федерации продолжает развиваться, регулярно пополняясь новыми пакетами и инструментами, а его влияние на российскую экономику, внешнюю торговлю и финансовый сектор требует научного осмысления. Между тем большая часть отечественных и зарубежных публикаций сосредоточена либо на отдельных эпизодах, либо на конкретных секторах, тогда как целостная картина эволюции санкционной политики за период 2014–2026 гг. остаётся фрагментарной.

Степень разработанности темы достаточно высока, однако носит «секторальный» характер. Юридическая сторона санкций детально исследована в работах И. Н. Тимофеева, посвящённых природе и архитектуре санкционных режимов ЕС [Тимофеев, 2021]. Экономические последствия рассматриваются в докладах Международного валютного фонда и Всемирного банка, а также в материалах Банка России [МВФ, 2024; Всемирный банк, 2024].

Источниковая база работы включает первичные нормативные акты (Регламенты Совета ЕС, Решения Совета по линии CFSP, исполнительные указы Президента США, акты Конгресса и регламенты британского OFSI), материалы профильных министерств (Минфина США, Министерства торговли США в части Bureau of Industry and Security, Министерства финансов Великобритании), а также вторичные источники аналитического характера — доклады научных центров и публикации в реферируемых научных журналах.

1. Первый этап (2014–2015 гг.): формирование нормативной базы и секторальное давление

Старт первой волны антироссийских санкций связан с событиями весны 2014 г. на Украине и присоединением Крыма к Российской Федерации.

Санкции Президента США Барак Обама:

1. 6 марта 2014 г. — указ № 13660 о блокировании имущества лиц, способствующих ситуации на Украине;
2. 16 марта 2014 г. — указ № 13661 о санкциях против отдельных российских официальных лиц;
3. 20 марта 2014 г. — указ № 13662, заложивший основу для так называемых «секторальных» санкций;
4. 19 декабря 2014 г. — указ № 13685, вводящий запрет на инвестиции, импорт и экспорт товаров, технологий и услуг в отношении Крыма [The White House, 2014].

Параллельно ЕС сформировал собственный режим. 17 марта 2014 г. Совет ЕС принял Решение 2014/145/CFSP и Регламент № 269/2014 о персональных санкциях против лиц, ответственных за «подрыв территориальной целостности» Украины. 31 июля 2014 г. был принят Регламент Совета ЕС № 833/2014, ставший центральным актом «секторального» режима: он ввёл ограничения на доступ к рынкам капитала ЕС крупнейших российских банков с государственным участием, запрет на экспорт оборудования для нефтегазовой отрасли (включая глубоководное и арктическое бурение и сланцевые проекты), а также эмбарго на товары двойного назначения для военного использования [Council Regulation (EU) No 833/2014]. Решение 2014/512/CFSP закрепило эти меры на уровне общей внешней политики ЕС.

Великобритания, действуя в тот период в рамках общего санкционного режима ЕС, применила к российским физическим и юридическим лицам аналогичные ограничения, а после выхода из ЕС подтвердила их юридическую преемственность в национальном законодательстве [HM Treasury, 2023]. Австралия, Канада, Япония и Норвегия в течение 2014–2015 гг. ввели сопоставимые меры, формируя многонациональную санкционную коалицию.

С точки зрения юридической техники, первая волна санкций строилась на принципиально различных доктринальных основаниях. Американский режим опирается на чрезвычайные полномочия Президента в рамках International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), а европейский — на статьи 215 Договора о функционировании ЕС и решения Совета по линии Общей внешней политики и политики безопасности. Это различие обусловило неодинаковую скорость и устойчивость двух режимов: американские меры могут вводиться оперативно президентским указом, тогда как меры ЕС требуют единогласного решения государств-членов, что обеспечивает более высокую правовую устойчивость, но снижает гибкость [Тимофеев, 2021].

В 2014 г. в ответ на западные санкции Российская Федерация запретила ввоз сельхозпродукции из ЕС (а также США и некоторых других стран). Другая явная тенденция – это возросшая зависимость от внутренних источников финансирования. В 2015–2016 годах из-за сокращения доступа на внешние рынки заимствований российские компании активно сокращали свой внешний долг. Совокупный российский внешний долг сократился с $728 млрд в 2013 году до $511 млрд в 2016 году (из них $114 млрд соответствуют фактическому сокращению долга, остальное снижение связано с уменьшением долларового эквивалента рублевого внешнего долга в условиях ослабления рубля).

Особенностью этого периода является относительно сдержанный масштаб мер: затронуты были отдельные банки, крупные нефтяные компании, ряд проектов в энергетике, тогда как макроструктура российской внешнеэкономической деятельности существенных изменений не претерпела [Тимофеев, 2021].

2. Второй этап (2016–2021 гг.): институционализация ограничений и расширение поводов

Ключевым событием второго этапа стало принятие в США 2 августа 2017 г. федерального закона CAATSA — Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (Public Law 115–44). CAATSA впервые закрепил «крымский» санкционный режим на уровне акта Конгресса, существенно ограничив дискрецию исполнительной власти: согласно разделу 216 закона, прекращение или существенное смягчение значительной части санкций требует процедуры конгрессного контроля [CAATSA, 2017].

Раздел 231 CAATSA ввёл вторичные санкции в отношении лиц, осознанно вступающих в значимые сделки с предприятиями оборонного или разведывательного секторов Российской Федерации; разделы 225 и 232 расширили возможности для дискреционных ограничений в нефтегазовой сфере, прежде всего применительно к новым трубопроводным проектам [Atlantic Council, 2017]. Тем самым санкции становятся не просто внешнеполитическим инструментом «здесь и сейчас», а долгосрочной частью американского законодательства, что радикально изменяет качество режима.

В рассматриваемый период расширяются поводы для введения и расширения ограничений. Ключевыми эпизодами становятся: применение боевого отравляющего вещества «Новичок» в Солсбери в 2018 г. (так называемое «дело Скрипалей»), что привело к санкциям США в рамках Chemical and Biological Weapons Control and Warfare Elimination Act of 1991 (CBW Act); инцидент с А. Навальным в 2020 г., повлекший в марте 2021 г. согласованные действия США и ЕС по линии санкционных режимов CBW Act и Global Human Rights Sanctions Regime [U.S. Department of the Treasury, 2021].

Существенное значение приобретают также санкции, связанные с кибератаками и предполагаемым вмешательством в выборы. В 2018–2021 гг. OFAC регулярно расширяет SDN-лист по основаниям, связанным с деятельностью отдельных российских спецслужб и связанных с ними структур. В 2019–2021 гг. вводятся меры против инфраструктурного проекта «Северный поток-2» в рамках Protecting Europe's Energy Security Act (PEESA) и его поправок, что подтверждает использование санкций как инструмента энергетической геополитики. Параллельно расширяется набор санкционных режимов в США: помимо «украинского» (E.O. 13660–13685) и «магнитского» (Global Magnitsky Act, 2016), создаются специализированные программы, в том числе по линии CBW Act, Election Interference E.O. 13848, а также по линии кибернаправления — E.O. 13694 и E.O. 13757. Подобная фрагментация санкционных оснований повышает гибкость инструмента, но одновременно усложняет его применение и контроль за соблюдением со стороны бизнеса.

ЕС в этот период действует более осторожно: основным инструментом остаётся продление и точечная корректировка Регламента 833/2014, а персональные списки систематически обновляются в связи с конкретными событиями. Британский санкционный режим, формируемый с учётом подготовки к Brexit, постепенно обретает национальную идентичность: в 2018 г. принимается Sanctions and Anti-Money Laundering Act, а после выхода из ЕС в 2020 г. он становится правовой основой для самостоятельного режима ограничений [HM Treasury, 2023].

Таким образом, на втором этапе формируется устойчивая институциональная архитектура: санкции перестают восприниматься как чрезвычайная мера и превращаются в относительно автономный сегмент внешней политики западных государств, обеспеченный собственным аппаратом надзора (OFAC, OFSI, генеральные директораты ЕС) и нормативной средой.

3. Третий этап (2022–2026 гг.): эскалация и комплексный инструментарий давления

Начало специальной военной операции в феврале 2022 г. стало точкой перелома. С 23 февраля по конец марта 2022 г. ЕС последовательно принял первые четыре пакета санкций. Решающее значение имели меры, затронувшие финансовый сектор:

отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT и заморозка валютных резервов Банка России на сумму около 260 млрд евро, преимущественно размещённых в депозитарии Euroclear [Council of the EU, 2025; RBC, 2025]. По оценкам, последующие доходы Euroclear от этих активов составили 0,8 млрд евро в 2022 г., 4,4 млрд евро в 2023 г. и 6,9 млрд евро в 2024 г., часть которых стала источником помощи Украине.

Параллельно США, Великобритания и Канада ввели аналогичные меры. По данным OFSI, к октябрю 2023 г. в Великобритании было заморожено активов, связанных с режимом санкций против России, на сумму около 22,7 млрд фунтов стерлингов; в рамках международной коалиции REPO суммарно заблокировано более 58 млрд долл. США активов российских лиц и организаций [OFSI, 2023].

Энергетика стала центральным направлением третьего этапа. ЕС в течение 2022 г. ввёл поэтапное эмбарго на морские поставки российской сырой нефти и нефтепродуктов; в декабре 2022 г. государства «Группы семи», ЕС и Австралия одобрили механизм ценового потолка: морские поставки российской сырой нефти подлежат сопровождению западными морскими, финансовыми и страховыми услугами только при условии цены не выше 60 долл. за баррель [U.S. Department of the Treasury, 2022; European Commission, 2022]. По оценкам американского Министерства финансов и Федерального резервного банка Далласа, потолок цен в сочетании с эмбарго привёл к существенному сокращению нефтегазовых доходов федерального бюджета РФ в 2023 г., однако его эффективность снижалась за счёт реструктуризации цепочек поставок и активного использования «теневого флота» [Dallas Fed, 2024]. Это, в свою очередь, обусловило расширение санкций на конкретные суда и связанные с ними логистические компании.

Принципиально новым элементом стали комплексные экспортные ограничения. ЕС, США, Великобритания и партнёрские юрисдикции ужесточили контроль за поставкой товаров двойного назначения, микроэлектроники, авионики, оборудования для нефтепереработки и сжижения газа. В рамках американской системы Export Administration Regulations была введена практика Foreign Direct Product Rule, распространяющая контроль на продукцию третьих стран, произведённую с использованием американских технологий и предназначенную для российских конечных пользователей [BIS, 2023].

К 2024–2025 гг. западные коалиции акцентируют внимание на проблеме обхода санкций: вводится отдельный режим вторичных санкций для иностранных финансовых институтов, способствующих обходу ограничений (Executive Order 14114 от 22 декабря 2023 г.), и ужесточаются требования к должной осмотрительности (due diligence) для компаний, работающих с лицами и юрисдикциями повышенного риска [U.S. Department of the Treasury, 2024]. Особую категорию составили меры в отношении высокотехнологичных секторов. ЕС и США последовательно ввели ограничения на поставку полупроводников, специализированного программного обеспечения, лазерной и измерительной техники, а также квантовых вычислительных устройств. Контроль расширяется не только в отношении самих изделий, но и сопутствующих услуг — инжиниринга, обучения персонала, обслуживания и обновления программного обеспечения. По данным ЕС, к концу 2025 г. число товарных позиций, попадающих под экспортные ограничения, превысило несколько тысяч кодов товарной номенклатуры [Council of the EU, 2025].

Регламент № 2642, принятый 8 октября 2024 года, ввел новые основания для блокирующих санкций ЕС в отношении российских лиц, задействованных в так называемой «дестабилизирующей деятельности».

ЕС расширил сферу действия данного Регламента путем создания нового перечня объектов санкций, который будет включать не физических или юридических лиц, а материальные активы (tangible assets), подлежащие блокировке. Так, в Регламент № 2642 была добавлена новая статья 1a, запрещающая Лицам ЕС прямое или косвенное участие в любых сделках, связанных с материальными активами (такими как суда, самолеты, недвижимость, порты, аэропорты и физические элементы цифровых и коммуникационных сетей) [Council of the EU, 2024].

Регламент № 2642 также был дополнен новой статьей 1b, которая представляет собой пример экстерриториального применения санкционного режима ЕС, допуская возможность введения ограничительных мер в отношении лиц из третьих стран.

Новая статья 1c Регламента № 2642 вводит запрет на осуществление Лицами ЕС следующих действий с юридическими лицами, организациями или органами, которые «участвуют в систематической международной кампании по манипулированию СМИ и искажению фактов с целью усиления дестабилизирующих действий против ЕС» [Council of the EU, 2024].

На уровне ЕС эволюция инструментария наиболее наглядно прослеживается в пакетах 14–20, принятых с июня 2024 г. по апрель 2026 г. 14-й пакет (24 июня 2024 г.) впервые ввёл запрет для финансовых институтов ЕС на использование российской системы передачи финансовых сообщений СПФС, а также расширил меры против реэкспорта подсанкционных товаров через третьи страны. 15-й пакет (16 декабря 2024 г.) и 16-й пакет (24 февраля 2025 г.) усилили ограничения в отношении «теневого флота» и ряда товарных позиций, включая алюминий [Council of the EU, 2024; Council of the EU, 2025]. 19-й пакет, принятый 23 октября 2025 г., внёс в санкционные списки дополнительно 117 судов «теневого флота», задействованных в перевозке российских углеводородов; 20-й пакет, согласованный в апреле 2026 г., расширил меры в отношении энергетических доходов, военно-промышленного комплекса, финансовых услуг и впервые ввёл специальный режим для криптовалютных операций, способствующих обходу санкций [Council of the EU, 2026]. К моменту принятия 20-го пакета общая совокупность санкционных пакетов ЕС превышает шестьдесят актов, направленных непосредственно против Российской Федерации и связанных с ней лиц. Третий этап характеризуется существенным расширением целей санкций: помимо «изменения поведения», важной целью становится подрыв ресурсной базы для продолжения военной операции, ограничение технологической модернизации, а также деинтеграция российской экономики из западных финансовых и торговых систем. Параллельно происходит активное обсуждение возможности использования замороженных активов Банка России для финансирования восстановления Украины, что ставит вопросы о соответствии таких мер принципам международного права и суверенного иммунитета [Bruegel, 2024].

Результаты исследования

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщений относительно эволюции антироссийских санкций в 2014–2026 гг.

Во-первых, прослеживается отчётливая трёхэтапная динамика. Первый этап (2014–2015 гг.) — формирование нормативного каркаса режима, опирающегося на серию указов Президента США (№№ 13660, 13661, 13662, 13685) и Регламент Совета ЕС № 833/2014. Второй этап (2016–2021 гг.) — институционализация и расширение поводов, символом которой стало принятие CAATSA и появление новых санкционных режимов в связи с кибератаками, использованием химического оружия и инцидентом с А. Навальным. Третий этап (2022–2026 гг.) — системная эскалация, выразившаяся в массовом отключении российских банков от SWIFT, заморозке резервов Банка России, нефтяном эмбарго и ценовом потолке, расширении экспортного контроля и пакетной логике мер ЕС.

Во-вторых, инструментарий санкционного давления претерпел качественное усложнение. От узкого набора персональных и адресных секторальных мер он эволюционировал к комплексной модели, включающей: персональные санкции; секторальные ограничения; финансовые меры; экспортный контроль над технологиями двойного и гражданского назначения; ценовой потолок на сырьевые товары; вторичные санкции против

лиц, способствующих обходу ограничений; меры в отношении конкретных судов и логистических операторов «теневого флота».

В-третьих, согласно данным МВФ, Всемирного банка, Банка России и Росстата, краткосрочный экономический эффект санкций оказался менее выраженным, чем ожидалось в первоначальных прогнозах. По уточнённым оценкам, ВВП Российской Федерации сократился в 2022 г. лишь на 2,2%, а в 2023–2024 гг. показал положительную динамику: рост на 3,6% в 2023 г. и 4,1% в 2024 г. согласно данным Росстата и обзоров Банка России [Росстат, 2025; Банк России, 2025].

В-четвертых, наблюдается дифференциация подходов ключевых акторов. США используют наиболее жёсткий вторичный санкционный инструментарий, опираясь на экстерриториальное применение собственного законодательства; ЕС делает акцент на пакетной логике и постепенном расширении мер, выстраивая консенсус государств-членов; Великобритания и Канада действуют в более узких секторах, но играют значимую роль в режиме заморозки активов и санкциях против отдельных лиц.

В- пятых, выявляется тенденция к расширению географии санкционного давления через инструменты вторичных санкций. Если на первом этапе ограничения концентрировались в пределах юрисдикций инициировавших их государств, то на третьем этапе санкции всё чаще распространяются на компании и финансовые институты третьих стран, поддерживающих коммерческие связи с подсанкционными лицами [Bruegel, 2024].

Заключение

Эволюция антироссийских санкций в 2014–2026 гг. отражает качественную трансформацию подхода западных государств к использованию ограничительных мер. Из инструмента, предназначавшегося для точечного политического воздействия, санкции превратились в комплексный механизм системного давления, охватывающий финансовую, торговую, технологическую и логистическую сферы. Принципиально изменилась нормативная архитектура: от рамочных указов и регламентов 2014 г. до сложной системы, включающей десятки пакетов мер ЕС, серию федеральных законов США, специальный санкционный режим Великобритании и согласованные действия партнёрских юрисдикций. Логика ужесточения объясняется как изменением политического контекста, так и накоплением институциональной инерции: санкционные органы (OFAC, OFSI, генеральные директораты ЕС) развили собственные компетенции, что облегчает расширение режима.

Литература

1. Тимофеев И. Н. Политика санкций Европейского Союза в отношении России: эволюция и направления изменений // Современная Европа. — 2021. — № 2. — С. 5–17. URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2021/2-2021/Timofeev-2-21.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

2. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 31.07.2014. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng (accessed: 18.05.2026).

3. Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 2014.

4. Executive Order 13660 of March 6, 2014, Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 46. — March 10, 2014.

5. Executive Order 13661 of March 16, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 53. — 2014.

6. Executive Order 13662 of March 20, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 56. — 2014.

7. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Public Law 115-44, 131 Stat. 886 (August 2, 2017). U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf (accessed: 18.05.2026).

8. U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Russian Operatives and Entities Linked to the Poisoning of Aleksey Navalny, Chemical Weapons Program. — Press Release, August 20, 2021. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0328 (accessed: 18.05.2026).

9. U.S. Department of the Treasury. Price Cap on Russian Oil: A Progress Report. — Washington, 2024. URL: https://home.treasury.gov/news/featured-stories/the-price-cap-on-russian-oil-a-progress-report (accessed: 18.05.2026).

10. Council of the European Union. Timeline — Packages of sanctions against Russia since February 2022. — Brussels, 2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/timeline-packages-sanctions-since-february-2022/ (accessed: 18.05.2026).

11. Council of the European Union. Russia's war of aggression against Ukraine: 20th round of stern EU sanctions hits energy revenues, military-industrial complex, trade and financial services, including crypto. — Press Release, 23.04.2026.

12. Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI). Annual Review 2022–2023: Strengthening our Sanctions. — London: HM Treasury, December 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/ofsi-annual-reviews/ofsi-annual-review-2022-to-2023-strengthening-our-sanctions (accessed: 18.05.2026).

13. Bureau of Industry and Security (BIS). Implementation of Additional Sanctions Against Russia and Belarus Under the Export Administration Regulations: Final Rule. — Federal Register, 2023.

14. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update: January 2024. — Washington, D.C., 2024.

15. World Bank. Russia Economic Report. — Washington, D.C., April 2024.

16. Банк России. Обзор финансовой стабильности. IV квартал 2024 — I квартал 2025 года. — М., 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4q_2024_1q_2025/ (дата обращения: 18.05.2026).

17. Росстат. Первая оценка ВВП за 2025 год: статистический бюллетень. — М., 2026. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380 (дата обращения: 18.05.2026).

18. Atlantic Council. The New Russia Sanctions Law: What It Does and How to Make It Work. — Washington, D.C., 2017.

19. Federal Reserve Bank of Dallas. The Impact of the 2022 Oil Embargo and Price Cap on Russian Oil Prices. — Working Paper 2401. — Dallas, 2024. URL: https://www.dallasfed.org/~/media/documents/research/papers/2024/wp2401.pdf (accessed: 18.05.2026).

20. Bruegel. The Oil Price Cap and Embargo on Russia Work Imperfectly, and Defects Must Be Fixed. — Brussels, 2024.

21. Совет Европейского союза. Регламент Совета (ЕС) 2024/2642 от 8 октября 2024 года об ограничительных мерах в связи с дестабилизирующими действиями России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 18.05.2026).

The evolution of anti-Russian sanctions in 2014–2026: stages, logic, and instruments of pressure

Eremenko O.S.

RUDN University named after Patrice Lumumba

This article examines the evolution of anti-Russian sanctions from 2014 to 2026. Based on official legal acts of the United States, the European Union, and the United Kingdom, as well as materials from international organizations and academic publications, the article identifies three consecutive stages in the development of the sanctions regime: 2014–2015 — formation of the primary regulatory framework and sectoral pressure; 2016–2021 — institutionalization of restrictions and expansion of their substantive basis; 2022–2026 — large-scale escalation and the transition to a comprehensive toolkit of financial, trade, and technological pressure. It is shown that the logic of sanctions tightening was determined by the response of Western coalitions to political events and was accompanied by the

consistent expansion of the range of entities, sectors, and circumvention channels subject to restrictions. The paper analyzes the legal basis of the measures, the change in the goals of sanctions policy, and the instruments used: personal sanctions, sectoral restrictions, export controls on dual-use technologies, asset freezes, disconnection from SWIFT, the oil price cap, and the secondary sanctions regime. The conclusion is drawn that the sanctions regime has evolved from targeted measures into a comprehensive pressure regime covering virtually all links of the Russian Federation's foreign economic activity.

Keywords: anti-Russian sanctions, economic sanctions, sectoral restrictions, CAATSA, OFAC, EU Regulation 833/2014, price cap, reserve freeze, shadow fleet, secondary sanctions.

References

1. Timofeev I. N. The European Union's sanctions policy toward Russia: evolution and directions of change // Contemporary Europe. — 2021. — No. 2. — Pp. 5–17. URL: http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2021/2-2021/Timofeev-2-21.pdf (accessed: 18.05.2026).
2. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 31.07.2014. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng (accessed: 18.05.2026).
3. Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. — L 229. — 2014.
4. Executive Order 13660 of March 6, 2014, Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 46. — March 10, 2014.
5. Executive Order 13661 of March 16, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 53. — 2014.
6. Executive Order 13662 of March 20, 2014, Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine // Federal Register. — Vol. 79. — No. 56. — 2014.
7. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Public Law 115-44, 131 Stat. 886 (August 2, 2017). U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf (accessed: 18.05.2026).
8. U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Russian Operatives and Entities Linked to the Poisoning of Aleksey Navalny, Chemical Weapons Program. — Press Release, August 20, 2021. URL: https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0328 (accessed: 18.05.2026).
9. U.S. Department of the Treasury. Price Cap on Russian Oil: A Progress Report. — Washington, 2024. URL: https://home.treasury.gov/news/featured-stories/the-price-cap-on-russian-oil-a-progress-report (accessed: 18.05.2026).
10. Council of the European Union. Timeline — Packages of sanctions against Russia since February 2022. — Brussels, 2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/timeline-packages-sanctions-since-february-2022/ (accessed: 18.05.2026).
11. Council of the European Union. Russia's war of aggression against Ukraine: 20th round of stern EU sanctions hits energy revenues, military-industrial complex, trade and financial services, including crypto. — Press Release, 23.04.2026.
12. Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI). Annual Review 2022–2023: Strengthening our Sanctions. — London: HM Treasury, December 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/ofsi-annual-reviews/ofsi-annual-review-2022-to-2023-strengthening-our-sanctions (accessed: 18.05.2026).
13. Bureau of Industry and Security (BIS). Implementation of Additional Sanctions Against Russia and Belarus Under the Export Administration Regulations: Final Rule. — Federal Register, 2023.
14. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update: January 2024. — Washington, D.C., 2024.
15. World Bank. Russia Economic Report. — Washington, D.C., April 2024.
16. Bank of Russia. Financial Stability Review. Q4 2024 — Q1 2025. — Moscow, 2025. URL: https://www.cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4q_2024_1q_2025/ (accessed: 18.05.2026).
17. Rosstat. First Estimate of GDP for 2025: Statistical Bulletin. — Moscow, 2026. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380 (accessed: 18.05.2026).
18. Atlantic Council. The New Russia Sanctions Law: What It Does and How to Make It Work. — Washington, D.C., 2017.
19. Federal Reserve Bank of Dallas. The Impact of the 2022 Oil Embargo and Price Cap on Russian Oil Prices. — Working Paper 2401. — Dallas, 2024. URL: https://www.dallasfed.org/~/media/documents/research/papers/2024/wp2401.pdf(accessed: 18.05.2026).
20. Bruegel. The Oil Price Cap and Embargo on Russia Work Imperfectly, and Defects Must Be Fixed. — Brussels, 2024.
21. Council of the European Union. Council Regulation (EU) 2024/2642 of 8 October 2024 on restrictive measures in view of Russia's destabilising actions [Electronic resource]. — Access mode: https://eur-lex.europa.eu/ (accessed: 18.05.2026).